

Психология личности и антропологический дискурс: в поисках новых подходов*

М. С. Гусельцева

Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

Для цитирования: *Гусельцева М. С.* Психология личности и антропологический дискурс: в поисках новых подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 2. С. 132–149. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.203>

Современная антропология представляет собой цикл дисциплин, изучающих человека в культуре, раскрывающих различные аспекты человеческого бытия. В международных коммуникациях под антропологией сегодня чаще всего понимаются именно социокультурные направления антропологии. Однако в силу исторических и политических причин в России в XX в. не появилось ни социальной, ни культурной, ни психологической антропологии в качестве институционализированных исследовательских направлений, а изучение развития личности в разнообразии культур происходило не столько в психологии, сколько оказалось рассеяно в междисциплинарном пространстве социогуманитарных наук. Сегодня же эта ситуация имеет не только неоднократно проанализированные недостатки, но и менее очевидные преимущества. Стихийная трансдисциплинарность становится важным ресурсом социогуманитарных наук, в том числе и психологии. Взаимодействие разных исследовательских полей продуцирует смешанные методы и методологии; познавательные фокусы смещаются от канонических предметов изучения к подвижным исследовательским проектам; от предметно-ориентированных исследований к проблемно-ориентированным. Психология личности, социология изменений, антропология современности включены в наши дни в общее интеллектуальное движение, отвечающее на вопросы, как изучать человека в транзитивном обществе; как исследовать личность, пребывающую в изменениях; как постигать индивидуальность в трансформациях повседневности, идентичность в преобразованиях глобального мира. Одновременно с этим, реагируя на текущие вызовы поиском новых подходов и методологий, психология, социология и антропология совокупными усилиями участвуют в общей трансформации модели познания. Высказывается предположение, что в сложившейся познавательной ситуации антропологический дискурс способен послужить источником обновления и критического переосмысления психологических концепций, стать пространством возможностей в развитии психологии личности. Приводится материал, подтверждающий это предположение.

Ключевые слова: методология, психология личности, антропологический подход, человек и мир, современность, трансдисциплинарность.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00075 «Человек в повседневности: психологическая феноменология и закономерности».

Введение. Психология в меняющемся мире и трансформирующейся модели познания

Всякая наука, и психология не исключение, развивается во множестве смешанных и взаимосвязанных, осознаваемых и неосознаваемых контекстов: познавательном, социокультурном, историческом, современном, пространственном, темпоральном, междисциплинарном. Сегодня же мы становимся невольными свидетелями стихийной и подспудной трансдисциплинарности, где, вовлекаясь в глобальные процессы, социальные науки, в том числе и психология, явно или неявно идут к неизбежности преодоления дисциплинарных границ. К тому же трансдисциплинарность отличается от междисциплинарности именно флексибильностью (*flexibility*) современной модели познания, подчеркиваемой префиксом «транс-»: это означает, что к характеристикам сложности и многомерности в анализе того или иного феномена прибавились качества гибкости, подвижности, текучести, саморефлексивности, необходимости для специалиста время от времени подвергать ревизии полученные профессиональные знания, а также соотносить их с достижениями смежных наук (Гусельцева, 2016).

Мысленно переместившись на столетие тому назад, трудно не заметить, что психология начала XX в. пребывала в уникальной познавательной ситуации, в которой не только с разных позиций осмысливался текущий методологический кризис, но и разные психологические школы так или иначе приходили к содержательно различному, но методологически сходному решению, а именно — к пониманию того, что в психологических исследованиях психики, сознания, личности, человека необходимо выйти за пределы этой психики, этого сознания, этой личности и изучать миры, порождающие психику, сознание и личность. Более того, именно в процессе поисков подобного решения сформировались и ведущие психологические школы — психология бессознательного, психология народов, психология поля, психология деятельности и т. д.

В наши дни психология заново пребывает в методологических поисках, ставит и решает вопросы о том, каким образом исследовать саморазвитие субъекта, множественную идентичность человека, личность, пребывающую в изменениях. Эти поиски нашли отражение в ряде работ (Асмолов, 2018; Гришина, 2019; Леонтьев, 2010; Сергиенко, 2021), а также привели к появлению новых исследовательских направлений, таких как психология возможного, психология повседневности, психология транзитивности, психология социального познания и др. (Знаков, 2020; Марцинковская, 2015; 2017; Хорошилов, 2022). Новые подходы к изучению личности осмысливаются сегодня в категориях разнообразия и сложности, постоянства изменений, пространства возможного (Асмолов, 2018; Гришина, Костромина, 2017; Костромина, Гришина, 2021).

Со стороны же науковедческого анализа можно наблюдать, что совокупными усилиями исследователей трансформируется и сама психология как наука, строящая образы будущего, обнаруживающая и осмысливающая себя не только в меняющемся мире, но и в меняющейся модели познания. Основные векторы происходящих изменений связаны с переходом от дисциплинарной матрицы науки к трансдисциплинарной и транснациональной со смещением фокусов внимания от структур — к процессам и контекстам, от академии — к действенным исследо-

ваниям, граждански активной и социально ответственной науке (Бажанов, Шольц, 2015; Eriksen, 2006; Riegel, Meacham, 2007; van Lange, 2006).

Трансдисциплинарность представляет собой во многом подспудное и спонтанное состояние современного научного знания, появившееся в результате его эволюции и самоорганизации. Она осмысливается как характеристика проблемно-ориентированных исследований, опирающихся на холистический принцип и практикующих открытость дисциплинарных границ (Бажанов, Шольц, 2015). Помимо этого, трансдисциплинарность в наши дни формируется как стихийная исследовательская практика в общем потоке трансформации научного знания (Гусельцева, 2016). В этой ситуации исследовательские поля психологии личности, психологии повседневности, социологии изменений, антропологии современности неминуемо смешиваются, а на пересечении дисциплинарных пространств зарождаются новые идеи, подходы, происходит обмен концепциями и методами, становится возможен критический пересмотр доселе имевшихся представлений. Важную роль в этих трансформациях играет антропологический поворот, понимаемый не только как фокус на феномене человека, но и как осмысление последнего в многоаспектности социокультурной динамики современности (Гусельцева, 2021а). В сложившейся ситуации представляется продуктивным обратить внимание на потенциал антропологического подхода, выступающего, на наш взгляд, в психологии личности в роли неявного интегратора знания при изучении текущих изменений человека и мира.

В связи с изложенным цель данной статьи — раскрыть методологический потенциал антропологического дискурса в психологии личности, рассмотреть с этого ракурса проблемы изучения изменений человека и мира и возможные подходы.

Антропология как пространство возможного для психологии личности

Прежде чем перейти к рассмотрению методологических поисков современной антропологии, уделим несколько слов рецепции и трактовке антропологии в качестве области научного знания. Дело в том, что до недавнего времени существовало различное понимание антропологии — в узком и в широком смыслах, в пределах неоднородного российского научного сообщества и в международных коммуникациях. Практически на протяжении всего XX в. в России отдельно друг от друга развивались этнография как историческая наука и антропология как наука биологическая, тогда как в западноевропейской традиции они представляли различные этапы антропологических исследований, где этнография была частью этнологии, ее основным инструментом, первым этапом сбора данных о человеке в мире, обществе, культуре, этнология — областью антропологии, занимающейся анализом, проблематизацией и концептуализацией первичных этнографических материалов, а антропология — обобщающей наукой, изучающей человека в различных контекстах его жизни и деятельности (Леви-Стросс, 2016; Eriksen, Nielsen, 2013).

В силу исторических и политических причин (детальный анализ которых оставим сейчас за скобками) в России в XX в. не появилось ни социальной, ни культурной, ни психологической антропологии (Байбурин, 2005; Орлова, 2010; Соколовский, 2008). В свою очередь исследование развития личности в разнообразии культур также происходило не в психологии, а было рассеяно в междисциплинарном

пространстве социогуманитарных наук (Гусельцева, 2021а). Так, если в российском исследовательском контексте прежде всего развивались физическая, биологическая и эволюционная антропологии, то в западноевропейском и североамериканском антропология стала обобщающим названием для целого цикла изучающих человека субдисциплин, таких как социальная, культурная, медицинская, юридическая, организационная, психологическая, биологическая и иные антропологии. При этом в международном контексте к концу XX в. под антропологией чаще всего стали понимать социокультурные антропологии¹. Итак, определив, что современная международная антропология — это прежде всего совокупность исследований о человеке в эволюции, истории, разнообразии культур, повседневности, изменяющихся локальных и глобальных пространствах, обратимся к вопросу о том, какое пространство возможностей открывают сегодня антропологические поиски для психологии.

Современная антропология выступает в качестве метанауки о человеке. Изучая разнообразие человеческого бытия, она представляет широкую панораму философских, биологических, лингвистических, социокультурных и культурно-психологических исследований. Развитие человека она рассматривает в перспективе, включающей как повседневные поведенческие стратегии, так и региональные социокультурные практики; глобальные процессы и локальные проблемы; планетарную идентичность и потоки транснациональных взаимодействий, меняющих этот мир буквально здесь и сейчас (Eriksen, 2015; Hannerz, 2010; 2016). С этих позиций антропологии удается объять весь путь, ведущий от отдельной личности и ее социального окружения к человечеству в целом, осмыслить в сравнительном анализе региональные и транснациональные аспекты изучения человека и мира. Более того, антропология является синтетической наукой не только потому, что объединяет множество изучающих человека субдисциплин, но и потому, что в методологическом плане ей удается совмещать разные ракурсы и подходы к изучению личности и культуры, социальных движений и трансформаций современности.

Значимой эпистемологической характеристикой современной антропологии являются принципы открытого, транснационального и трансдисциплинарного знания, а также опора на принцип холизма. Именно последнее способствует панорамному видению познаваемой реальности, объединяя исследовательские перспективы в целостную картину. Подобный подход дает возможность в том числе и глубже осмыслить диалектику взаимопревращений человека и мира, их сущностную взаимосвязь, а также мультиконтекстуальную, полилокальную (multisited) обусловленность человеческого бытия.

Если в своем непосредственном прочтении антропологический поворот означает взгляд на текущую реальность, проблемы сегодняшнего дня, развитие чело-

¹ Ср.: «Термин «антропология» в испанском контексте, когда он используется сам по себе, практически всегда подразумевает значение «социальная и/или культурная антропология» — если нет специального уточнения, что речь идет об антропологии «физической»; «этнография» и «этнология» трактуются скорее как специфические составные части общеантропологического научно-исследовательского и образовательного комплекса, нежели как самостоятельные науки» (Кожановский, 2018, с. 63). Обращаясь же к российской аудитории, ученым нередко приходится подчеркивать, что под термином «антропология» имеется в виду «вся совокупность антропологических дисциплин, и не только исследования физической, но и изучение культурной и языковой вариативности человечества» (Соколовский, 2008, с. 124).

века и мира через оптику антропологии, то с позиций трансдисциплинарности он представляет собой широкое интеллектуальное движение, охватывающее, с одной стороны, философские и теоретические вопросы антропологии, с другой — конкретные практики культурно-психологических исследований (Гусельцева, 2021б). Так, перед психологией личности, социологией изменений, антропологией современности в наши дни встают общие для проблемного поля вопросы: как изучать человека в транзитивном обществе; личность, пребывающую в изменениях; индивидуальность в трансформациях повседневности; идентичность — в глобальных преобразованиях миросистемы. В этом общем интеллектуальном движении психология, социология и антропология отвечают на текущие вызовы разработкой конкретных подходов и методологий, а также совокупными усилиями закладывают основы новой модели познания.

Основные векторы этих трансформаций можно описать:

- как трансдисциплинарные тенденции в познании и транснациональные коммуникации современной науки;
- контекстуальность, полилокальность и чувствительность к разнообразию;
- процессуальность (так, если в феноменологическом плане весь мир пришел в движение², то в эпистемологическом — исследовательские фокусы сместились к изучению трансформаций и изменений);
- холизм в качестве стремления к целостности и когерентности знания;
- саморефлексивность и рост интереса к феноменологии повседневной жизни;
- выход исследований за рамки академии, вовлечение ученых в социальный и гражданский активизм (последнее наиболее яркое выражение нашло в направлениях публичной и «вовлеченной» антропологии — *public anthropology, engaged anthropology*) (Bringa, Bendixsen, 2016; Eriksen, 2006).

Ключевые характеристики текущих социокультурных изменений, такие как мобильность, подвижность, текучесть, состояние потока, пространство возможного, проникают в дискурсы современной психологии личности. Подспудное общенаучное движение обновления и методологических поисков проявилось во вполне конкретных подходах, переосмысливающих проблематику психологии, учитывающих в анализе развития личности социокультурную динамику современности, осмысливающих человека и мир с учетом контекстуальности и транзитивности окружающей среды, создающих новые проблемные поля психологии изменений, психологии возможного, психологии социального действия и др. (Асмолов, 2018; Гришина, 2019; Гришина, Костромина, 2017; Знаков, 2020; Костромина, Гришина, 2021; Леонтьев, 2010; Марцинковская, 2015; 2017; Сергиенко, 2021; Хорошилов, 2022).

Подчеркнем, что эти новаторские движения и поиски в психологии сопряжены с глобальными социокультурными тенденциями и трансформациями социальных наук, среди которых особо следует отметить антропологию. Ведь именно современная антропология выступает пионером как в прохождении, так и в осмыслении

² Именно такая формулировка субъективно воспринимаемой реальности зачастую встречалась в докладах на научных конференциях, посвященных проблемам глобализации, мобильности, миграции (например, на международной конференции «Миграция и интеграция в Европе и России: новые вызовы и возможности», проходившей в Санкт-Петербурге 16–18 ноября 2012 г.).

этих процессов. Наше предположение, состоящее в том, что антропология способна послужить для психологии личности горизонтом развития, ее пространством возможного (а также супервизором и вдохновителем методологической рефлексии), основано прежде всего на тенденциях и характеристиках международной антропологии, которые она разделяет с рядом других социальных наук: это стремление к концептуальному синтезу и интерес к повседневности, чувствительность к изменениям и разнообразию, восприятие изменений человека и мира в парадигме контекстуальности и процессуальности, а также совершенно исключительная для антропологической науки саморефлексивность и готовность активно участвовать в решении важных социальных и глобальных проблем.

Антропологический поворот и его значение для психологии личности

Важно отметить, что в ряду социогуманитарных наук антропология одной из первых пошла по пути трансдисциплинарности, и уже во второй половине XX в. здесь обсуждались ставшие актуальными в наши дни методологические проблемы: как отслеживать текущие изменения человека и мира? каким образом изучать разнообразие и растущую сложность в качестве феноменов современности? Иными словами, многие из вопросов и задач, которые сегодня ставит перед собой психология, международная антропология переживала во второй половине XX в.

Так, в 1950–1960-е гг. ведущими темами антропологических дискуссий стали проблемы изучения человека в меняющемся мире, во множестве социокультурных контекстов, а также непосредственные вопросы изменений, трансформаций, разнообразия и сложности феноменов личности и культуры.

Английский социальный антрополог Дж. Барнс (J. Barnes; 1918–2010), принадлежавший к Манчестерской научной школе, разработал сетевой анализ (сделавшийся предметом внимания психологии лишь десятилетия спустя), а также методологию социального моделирования (Barnes, 1990). Фокусировка на изменениях нашла отражение в названиях его книг — «*Marriage in a changing society*» (1951) и «*Politics in a changing society*» (1954) (курсив мой. — М. Г.). В статье, явившейся результатом двухлетних полевых исследований сообществ рыбаков и фермеров Западной Норвегии, Дж. Барнс впервые аналитически применил термин «социальная сеть» (Barnes, 1954). Его наставник, глава Манчестерской научной школы М. Глакман (M. Gluckman; 1911–1975), изучая социальные взаимодействия, создал ситуативный подход (Karferer, 2005). Одним из первых он обнаружил, что локальные эффекты глобальных процессов растворяются в сложных сетях социальных отношений, которые сами по себе находятся в непрерывном изменении и могут взаимно усиливать или, напротив, ослаблять друг друга. В дальнейшем антропологи изучали, каким образом вторжение глобальности в локальность рождает гибридные формы и феномены креолизации³ (Eriksen, 2003; 2007; Hannerz, 1997).

³ Т. Х. Эриксен справедливо отмечает, что существует множество процессов смешивания, и для понимания их сути необходима терминологическая точность: недостаточно просто заявить, что культуры смешиваются. Так, «креолизация (или аналогичный термин) полезен для описания определенного вида культурного процесса, который оказался... распространенным... в нынешнюю эпоху ускоренных коммуникаций и демографической мобильности» (Eriksen, 2007, p. 173). «Крео-

С обсуждением методологических проблем были связаны охватившие антропологию в 1980-е гг. ревизионистские повороты — критический и рефлексивный, постколониальный и постмодернистский (Eriksen, Nielsen, 2013). Впоследствии в антропологии разрабатывались новые конструкты и понятия, например *культурная сложность* и *сверхразнообразие* (Barth, 1989; Eriksen, 2007; Hannerz, 1992; Vertovec, 2007).

Понятие «культурная сложность» было предложено шведским антропологом У. Ханнерцем (U. Hannerz; p. 1942), который одним из первых стал изучать транснациональные потоки и пребывающий в движении мир. Он обратился к анализу современности не столько посредством фокусировки на меняющихся структурах и институтах, сколько выстраивая картину взаимосвязей, складывающуюся из процессов, потоков и гибридизаций (Hannerz, 1997). У. Ханнерц не только предвосхитил некоторые трансформации человека и мира и описал современность в качестве культурной сложности прежде, чем это стали делать многие (Hannerz, 1992), но и предложил инструментарий для работы с подвижными, сложными и разнообразными феноменами современности (Hannerz, 2010; 2016). Важно отметить и его процессуальный подход к культуре как к «незавершенному действию» (Eriksen et al., 2015, p. 6). Помимо этого, У. Ханнерц доказывал, что глобализация не отменяет культуральное разнообразие, ибо смешивание (креолизация) есть органичный процесс, порождающий инновации (Hannerz, 2016).

В свою очередь, введенное С. Вертовеком (S. Vertovec; p. 1957) понятие «сверхразнообразие» подчеркивало особый уровень и тип сложности культурно-психологических феноменов, превосходивших те, что встречались ранее (Vertovec, 2014). Ученый обратил внимание, что такие процессы современности, как социальная мобильность и культуральная смешанность породили разнообразие, более не связанное с групповыми идентичностями, ибо размывался и сам феномен группы: разнообразие увеличивалось не просто в связи с диверсификацией сообществ, а внутри самих сообществ. Изучая социальную мобильность в Великобритании, С. Вертовец отмечал, что ситуация «характеризуется динамичным взаимодействием переменных среди возросшего числа новых, малочисленных и рассеянных, разнородных, транснационально связанных, социально-экономически дифференцированных и законно стратифицированных иммигрантов, прибывших за последнее десятилетие» (Vertovec, 2007, p. 1024). Он также обратил внимание на тот факт, что новые модели сверхразнообразия являются вызовом как для социальной политики, так и для исследований (Vertovec, 2007, p. 1024).

Представляется, что накопленный опыт антропологических исследований полезен для развития психологии личности сразу в нескольких планах анализа — теоретических и прикладных. Отвечая же непосредственно на вопрос о значении современной антропологии для психологии, выделим в этом пространстве возможностей три перспективы.

Методологический смысл антропологии для развития психологии обусловлен тем, что антропологический дискурс конструирует новые подходы к изучению

лизация рассматривается как процесс, посредством которого благодаря контакту возникают новые общие культурные формы и новые возможности для общения» (Eriksen, 2007, p. 166). Этот термин «подчеркивает открытый, гибкий и неограниченный характер культурных процессов...» (Eriksen, 2007, p. 166).

личности именно в ситуации транзитивности, сложности и разнообразия, способствует постижению человека в аспектах целостности, конкретности и изменчивости (Гусельцева, 2021а). Еще раз отметим, что те проблемы, которые обсуждаются сегодня в психологии личности и связаны с представлениями о транзитивности в современном мире, росте сложности и разнообразия, международная антропология успешно решала во второй половине XX в. (Eriksen, Nielsen, 2013). К тому же антропология служит успешным примером коммуникации и интеграции разных наук: «Антропология привлекает на службу познания человека методы и приемы всех наук и призывает к примирению человека и природы» (Леви-Стросс, 2016, с. 49). «Антропология во всех смыслах выходит за пределы... Ее поле деятельности включает все обитаемые территории земли, а ее методика объединяет приемы, принадлежащие всем формам знания — и естественным наукам, и гуманитарным» (Леви-Стросс, 2016, с. 47).

Просветительский смысл антропологии определяется вниманием к вопросам, составляющим в наши дни перекрестную сферу влияния психологии развития, педагогической, социальной, этнической психологии и психологии толерантности: это проблемы «Я и Другой», «искусство жить с непохожими людьми», а также коммуникативные и культурные практики, умение понимать чужое как свое, а свое как чужое (Асмолов, Солдатова, 2009; Бардиер, 2007; Скрипкина, 2013). Суть антропологического просвещения удачно выражена К. Леви-Строссом (С. Lévy-Strauss; 1908–2009): «Антропология дает понять, что порядок вещей, признаваемый нами “естественным”, сводится к ограничениям и умственным привычкам, свойственным нашей культуре, и таким образом помогает преодолеть узость взглядов и понять, почему другие общества принимают как норму обычаи, которые нам кажутся непостижимыми, а то и шокирующими <...> Слишком нетерпеливых легалистов и моралистов антропологи настойчиво склоняют к большей либеральности и осторожности. Они ссылаются на тот факт, что даже скандализующие нас практики и требования — возможность опосредованного воспроизводства для девственных, незамужних и овдовевших женщин, для гомосексуальных пар — находят эквиваленты в других обществах, которым от этого живется не хуже» (Леви-Стросс, 2016, с. 77). По мнению К. Леви-Стросса, непреходящая функция антропологии заключается в том, что антропология поддерживает в мире определенное «оптимальное разнообразие» как необходимое условие человеческого развития, и если вдруг это разнообразие исчезает внутри одних обществ и социальных групп, то лишь для того, чтобы сразу же возникнуть в других формах. Иными словами, антропология сильна своей способностью объяснять и оправдывать те формы поведения, которые другие люди могут не понимать или находить странными. Ее миссия в мире — усложнять слишком простые и расширять слишком узкие взгляды на человека и человечество (Леви-Стросс, 2016).

Прикладной смысл антропологии связан прежде всего с вопросами межкультурного перевода. Сегодня эти практики относятся не только к непониманию между разными странами и культурами, но и к решению социальных проблем в рамках одного общества и диверсифицированных сообществ. Особенно преуспевают в этом отношении норвежские антропологи, востребованные в качестве экспертов и публичных интеллектуалов (Eriksen, 2006), в том числе способствуя решению социально-психологических проблем.

Латентная «антропологизация психологии»

Несмотря на отсутствие в XX в. такого направления исследований, как психологическая антропология, с позиций историко-научного анализа обнаруживается, что российская психология сильна латентными антропологическими традициями, манифестировавшими под именами культурно-исторических, субъектно-деятельностных и иных человековедческих подходов. Проблемы психологии человека во многом развивались именно в пространстве смежных наук (Гусельцева, 2021б). Помимо этого, на протяжении XX в. в российской науке происходила «антропологизация психологии», представление о которой развито в работах Н. А. Логиновой, хотя и связывалось ею прежде всего с петербургской психологической школой (Логинова, 2017).

Рассматривая сегодня историю психологии под этим углом зрения, можно обнаружить, что в российской психологии развивались и иные подспудные антропологические тенденции. Так, человековедческая проблематика разрабатывалась не только в известных работах Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, К. Д. Ушинского, в подходах В. М. Бехтерева, Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна, но и в малоизвестных широкой аудитории трудах Г. Г. Шпета и ученых ГАХН, при изучении вопросов искусства и архитектуры, в публицистике и литературном творчестве (Гусельцева, 2021б). Более того, в ретроспективном анализе некоторые психологические подходы могут быть переосмыслены как антропологические. Например, в одном из недавних интервью А. Г. Асмолов признавался: «Все, что я делаю с 1988 года, так или иначе связано с разработкой антропологических — под маской психологических — программ поддержки индивидуальности» (Асмолов, Галиев, 2020, с. 42). В свою очередь, Д. А. Леонтьев использовал слово «антропология» непосредственно в названиях целого ряда статей (Леонтьев, 2004; 2007; 2011; 2019).

Взглянув ретроспективно на постсоветский период развития психологии, отметим антропологические тенденции в творчестве В. П. Зинченко, Б. С. Братуся, А. А. Пузыря и других ученых (Братусь, 1997; Зинченко, 1996; Пузырей, 2005). Подспудная антропологическая проблематика в психологии личности развивалась, на наш взгляд, как органическая психология В. П. Зинченко (Зинченко, 1996), культурно-историческая психология человека А. Г. Асмолова (Асмолов, 2007), экзистенциальная психология Н. В. Гришиной (Гришина, 2015), психология понимания человека В. В. Знакова (Знаков, 2016). Наиболее выражено эти тенденции реализовались в исследовательском направлении психологии повседневности (Гусельцева, 2017; Марцинковская, 2017).

Примером латентной антропологизации психологической науки может послужить и ситуационный подход (Гришина, 2013). Особенно важно отметить внимание петербургских коллег к проблеме контекстов, в которых происходит развитие личности (Гришина, 2013; Гришина, Костромина, 2017). Так, Н. В. Гришина справедливо констатировала: «Несмотря на очевидность роли контекста и его изменений в существовании человека, его психологическом благополучии, равно как и психологической феноменологии в целом, социальные изменения и общая тема стабильности — нестабильности контекста жизни людей долгое время остаются за пределами внимания психологической науки» (Гришина, 2013, с. 3). Одновременно со стороны антропологии предлагается дизайн исследования, ориентированный на

изучение целостности феномена человека, текущей изменчивости и контекстуальности его бытия (Rabinow et al., 2008).

Подводя итог, можно отметить, что значение антропологического дискурса в психологии личности заключено в побуждении к методологическому обновлению и критической саморефлексии. Зачастую именно изменение взгляда делает возможным появление новых подходов. При этом важной предпосылкой такого обновления выступает саморефлексивность антрополога — его готовность развивать в себе способность *мыслить иначе*.

Таким образом, в наши дни, когда перед психологией личности встают проблемы, обусловленные трудностями изучения целостного, сложного, трансформирующегося человека, пространство возможностей, которое открывает для психологии антропология, образовано прежде всего ее методологическими поворотами, создающими новые способы познания и теоретические конструкты. Это и дизайн исследования, ориентированный на интеграцию различных познавательных полей (Rabinow et al., 2008), и представление о том, что в ситуации изменений нет единой методологии, а ведущий принцип качественного исследования — сконструируй подход сам, сделай его под свои задачи. Подобного рода взгляд на методологию как на подвижное творчество развивает, например, О. Ю. Артемова: «Методологии должны быть разными, причем не подобранными из числа уже имеющихся, а созданными лично для себя. А методики вообще формируются каждый раз заново под конкретно поставленные задачи. Разумеется, все это делается при опоре на профессиональный опыт предшественников и современников» (Артемова, 2020, с. 98).

Более же конкретные методологические стратегии изучения человека и мира в ситуации изменений разрабатываются в таких направлениях, как антропология современного (anthropology of the contemporary), антропология глобализации (anthropology of globalization), цифровая антропология (digital anthropology), антропология будущего, (anthropology of the future) (подробнее о них см.: Гусельцева, 2021а, с. 306–384).

Методологические стратегии антропологических исследований

Не имея возможности в рамках статьи детально остановиться на каждом из названных выше подходов, обратим внимание на исследовательский проект «Трансформации человека» (The Transformations of the Human) под руководством антрополога Т. Риса (Rees, 2018). В методологическом плане Т. Рис разрабатывает инструментарий, позволяющий мыслить иначе, а в содержательном плане занимается аналитикой новых способов человеческого бытия, в частности демонстрируя континуальность «феномена человека». «Мы живем не в антропоцене. Мы живем в микробиоцене», — подчеркивает Рис, развивая новый взгляд на человека как существо, не отделенное, с одной стороны, от мира природы, с другой — от мира информационных технологий. Логическим продолжением этого подхода становится изучение новых возможностей быть человеком в современности. Здесь примечателен тот факт, что эти идеи, в том числе рассуждение об уязвимости человеческого существования в природе и символический образ летучей мыши, появились в работах Т. Риса до начала пандемии COVID-19 (Rees, 2020).

В свою очередь А. Маркхам (A. Markham) изучает трансформации идентичности человека в цифровой среде. В ее подходе одним из инструментов развития нового взгляда становится *ремикс* (remix) — творческий синтез разнообразных единиц культурной информации, одновременно и гибко учитывающий факторы изменчивости и ситуативности (Markham, 2013; 2017). В методологическом контексте ремикс предстает как инструментальный уровень трансдисциплинарного подхода. Он позволяет ученым практиковать мышление поверх барьеров. «Ремикс — это генеративный инструмент для творческого мышления о методах... Он находится в одном ряду с другими метафорами, заставляющими нас сомневаться в незыблемости собственных представлений о том, что такое исследование: такими как танец (dance), джаз (jazz), кристаллизация (crystallization), бриколаж (bricolage) или фасетки (facets). Подобные метафоры напоминают нам о том, что исследовательский процесс есть... творческое предприятие... результаты же этого исследования не являются чем-то окончательным, а представляют лишь “поворот в разговоре” либо “открытый вопрос”; не утверждение “так оно и есть”, а предложение подумать о том, что только может получиться» (Markham, 2013, p. 66).

На одной из конференций антропологами-практиками был разработан «Манифест антропологии будущего», поддерживающий человекоориентированные культурные практики, транснациональные и трансдисциплинарные исследования, а затем по следам этой конференции опубликован международный сборник статей «Антропологии и будущее», где обсуждались методологические вопросы изучения человека в ситуации неопределенности и зарождения новизны (Pink, Salazar, 2017). Изучение этих материалов также может оказаться продуктивным для методологической саморефлексии.

Обратим внимание на такой проект антропологии будущего, как исследование повседневной жизни человека посредством концепции ориентаций (orientations) Р. Брайнт (R. Bryant) и Д. Найта (D. Knight) и культурно-психологического анализа темпоральности (Bryant, Knight, 2019). Так, авторы выделяют шесть ориентаций человеческого бытия: предвосхищение (anticipation), ожидание (expectation), предположение (speculation), потенциальные возможности (potentiality), надежда (hope), судьба (destiny). Названные ориентации отражают «различную глубину времени и разные, хотя зачастую и взаимосвязанные способы, которыми будущее может направлять наше настоящее» (Bryant, Knight, 2019, p. 2). Выделенные ориентации, с одной стороны, используются как инструменты самоопределения человека относительно будущего, а с другой — Р. Брайнт и Д. Найт подчеркивают, что через эти категории будущее способно повлиять на настоящее (Bryant, Knight, 2019, p. 2). Модель на основе анализа предвосхищений и ожиданий позволяет определить, переживают ли люди «нормальное» или кризисное время, спокойствие или тревожащую неопределенность. При этом если *предвосхищение* связывает прошлое, настоящее и будущее в общей перспективе, в которой будущее наиболее тесно сближается с настоящим, а прошлое интерпретируется через представления о будущем, то *ожидание* характеризует «нормальное» и предсказуемое течение бытия и обладает четким горизонтом планирования. Будущее здесь может быть экстраполировано на основе уже прожитого опыта. В свою очередь, *предположение* заполняет лауну между предвосхищением и ожиданием, отсылая к переходным моментам социальной жизни. Характерным признаком предположения становится отсутствие на-

дежной опоры на прошлый опыт. Взгляд на будущее из оптики потенциальных возможностей образует для человека оптимистичные перспективы. Наиболее распространенной (и одновременно самой абстрактной) ориентацией выступает *надежда*. Она вдохновляет и мотивирует человека к активной деятельности. Особенностью *судьбы* в качестве ориентации является преодоление ею темпорального горизонта: она апеллирует к тем реальностям, которые из ситуации настоящего невозможно ни увидеть, ни предположить, ни вообразить (Bryant, Knight, 2019, p.2). Помимо этого, Брайант и Найт выделяют *планирование* и *воображение* как основные стратегии психологического овладения будущим. Исследователи подчеркивают ситуативность и амбивалентность в переживании мира современным человеком: так, в одних случаях отношение к реальности с позиций социального активизма создает вдохновляющий опыт свободы и возможностей, в других — субъект испытывает базовую тревогу в связи с неопределенностью и открытостью будущего (Bryant, Knight, 2019, p.2). На наш взгляд, эта перспективная, но не лишенная некоторой абстракции модель требует конкретного психологического наполнения, способного стать примером реального сотрудничества между психологией личности и современной антропологией.

Заключение

В наши дни мы наблюдаем стихийную трансдисциплинарность. Психология вольно или невольно вовлекается в глобальные и локальные процессы, ведущие к преодолению дисциплинарных границ. В общенаучном движении от предметов к проблемам, от структур к процессам и контекстам обнаруживается, что психология, социология и антропология изучают сегодня одну и ту же реальность — изменения современного человека в связи с изменениями современного мира. Именно на перекрестке этих перспектив зарождаются новые представления и исследовательские подходы — психология повседневности и психология возможного, антропология глобализации и антропология современного и др.

Если современная антропология превратилась в науку о разнообразии человеческого бытия, об изменяющемся человеке в глобальных и локальных контекстах культуры, то современная психология изучает личность в мире и разнообразные миры личности, социальные группы и отдельных людей, осознающих себя в процессе изменений.

Методологические повороты, происходившие в антропологии начиная со второй половины XX в., показали, что изменяющийся мир нуждается и в новых способах познания, а для изучения пребывающего в изменениях человека необходимы новые концептуальные решения. В ряде направлений, таких как антропология современности, антропология глобализации или антропология будущего, разрабатывается инструментарий, нацеленный именно на постижение изменений. Не менее важную роль для этих поисков играет обновление исследовательского взгляда как таковое. Ему способствуют как коммуникации с представителями иных культур мышления, так и погружение в меж(транс)дисциплинарные поля современной науки. В каждом случае обновление взгляда обусловлено не только установками на открытость, но и вполне сознательными усилиями преодоления границ, готовностью повстречаться с чем-то иным, выводящим из привычного состояния (*status quo*).

Антропологический дискурс в психологии личности — лишь одно из средств методологического обновления. Антропологическая оптика не только располагает к изучению образов жизни и мысли, выходящих за пределы текущей нормативности, но и дает возможность обнаружить те аспекты изменений, которые не попадают в фокусы сложившейся исследовательской парадигмы. Антропологический подход в психологии личности помогает решать методологические (дизайн исследования), общегуманитарные (дидактические, просветительские) и вполне конкретные исследовательские задачи. Ибо, несмотря на тяготение к поиску универсальных законов, обращаясь к личности и ее жизненному миру, психологическая наука зачастую имеет дело с уникальными случаями, где охватить целостную жизнь человека в спонтанных потоках его бытия помогают именно этнографические описания. Антропологический дискурс способствует разрешению антиномий, соединяя макро- и микроуровни исследований, выделяя в человеческой жизни изменчивость и постоянство, не теряя панорамного видения, позволяет взглянуть в детали.

Литература

- Артемова О. Ю. Немного академической рефлексии // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 93–101.
- Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.
- Асмолов А. (ред.). *Mobilis in mobili*: личность в эпоху перемен. М.: ЯСК, 2018.
- Асмолов А. Г., Галиев А. Сочтемся смыслами. Антропологические изыскания помогают развиваться русской школе. // Коммерсантъ — Наука. 2020. № 6, 24.03. С. 42. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4292023> (дата обращения: 23.12.2021).
- Асмолов А. Г., Солдатова Г. У. Искусство жить с непохожими людьми. М.: Московия, 2009.
- Байбурин А. (ред.). Специальный выпуск к VI конгрессу этнографов и антропологов // Антропологический форум. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2005. С. 6–220.
- Бажанов В., Шольц Р. В. (ред.). Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Навигатор, 2015.
- Бардиер Г. Л. Научные основы социальной психологии толерантности. СПб.: Невский институт языка и культуры; МИРС, 2007.
- Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
- Гришина Н. В. Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 3. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684>
- Гришина Н. В. Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 2. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.529>
- Гришина Н. В. (ред.). Психология личности: Пребывание в изменении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i52.385>
- Гусельцева М. С. Принцип развития в современной психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Разработка и реализация принципа развития в современной психологии / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 31–51.
- Гусельцева М. С. Психология повседневности: методология, история, перспективы // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 51. С. 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.397>
- Гусельцева М. С. Антропология современности: человек и мир в потоке трансформаций: монография: в 3 ч. Ч. 1. М.: Акрополь, 2021а.
- Гусельцева М. С. Проблема человека в российской психологии и за ее пределами // Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2021б. № 2. С. 72–95.
- Зинченко В. П. От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 7–20.

- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
- Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Ин-т психологии РАН, 2020.
- Кожановский А. Н. Испанская антропология: «второе рождение» и трудности роста. Современная европейская социокультурная антропология и этнология. Историографические очерки / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 63–102.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В. Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–37.
- Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М.: Текст, 2016.
- Леонтьев Д. А. К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: тез. докл. междунар. конф. Москва, 14–16 апреля 2004. М.: Наука и будущее, 2004. С. 107–109.
- Леонтьев Д. А. К антропологии развлечений // Город развлечений: наблюдения, анализы, сюжеты / под ред. Е. В. Дукова. СПб.: Дмитрий Булаин, 2007. С. 62–68.
- Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 120–140.
- Леонтьев Д. А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011. № 5. С. 34–46.
- Леонтьев Д. А. К экзистенциальной антропологии // Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д. А. Леонтьева, А. Х. Фам. М.: Смысл, 2019. С. 5–10.
- Логинова Н. А. Проблема человека в современной российской психологии // Человек и мир. 2017. Т. 1, № 1. С. 81–110.
- Марцинковская Т. Д. Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533>
- Марцинковская Т. Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i56.340>
- Орлова Э. А. История антропологических учений. М.: Академический проект, 2010.
- Пузырей А. А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Ин-т психологии РАН, 2021.
- Скрипкина Т. П. Психология толерантности. М.: ФИРО, 2013.
- Соколовский С. В. Российская антропология и проблемы ее историографии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 123–153.
- Хорошилов Д. А. Психология социального познания в изменяющемся обществе. М.: Акрополь, 2022.
- Barnes J. A. Class and committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 39–58. URL: <https://pierremerckle.fr/wp-content/uploads/2012/03/Barnes.pdf> (дата обращения: 25.12.2021).
- Barnes J. A. Models and Interpretations. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Barth F. The analysis of culture in complex societies // Ethnos. 1989. No. 54. P. 120–142.
- Bringa T., Bendixsen S. (eds). Engaged Anthropology: Views from Scandinavia. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- Bryant R., Knight D. M. The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Eriksen T. H. Creolization and creativity // Global Networks. 2003. Vol. 3 (3). P. 223–237.
- Eriksen T. H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius // Creolization: History, Ethnography, Theory / ed. Stewart Ch. Walnut Creek: Left Coast Press, 2007. P. 154–177.
- Eriksen T. H. Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence. Oxford: Berg Publishers, 2006.
- Eriksen T. H. Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology. 4th ed. London: Pluto Press, 2015.
- Eriksen T. H., Garsten C., Randeria S. (eds). Anthropology Now and Next. Essays in Honor of Ulf Hannerz. Brooklyn: Berghahn Books, 2015.
- Eriksen T. H., Nielsen F. S. A History of Anthropology. London: Pluto Press, 2013.
- Hannerz U. Cultural Complexity. New York: Columbia University Press, 1992.
- Hannerz U. Flows, boundaries and hybrids: Keywords in transnational anthropology // Mana (Rio de Janeiro). 1997. Vol. 3 (1). P. 7–39.
- Hannerz U. Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline. London: Pluto Press, 2010.
- Hannerz U. Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

- Kapferer B.* Situations, crisis, and the anthropology of the concrete: The contribution of Max Gluckman // *Social Analysis*. 2005. Vol. 49 (3). P. 85–122. <https://doi.org/10.3167/015597705780275110>
- Markham A. N.* Remix culture, remix methods: Reframing qualitative inquiry for social media contexts // *Global Dimensions of Qualitative Inquiry* / eds N. Denzin, M. Giardina. Walnut Creek: Left Coast Press, 2013. P. 63–81.
- Markham A. N.* Remix as a literacy for future anthropology practice // *Anthropologies and Futures: Researching Emerging and Uncertain Worlds* / eds J. F. Salazar, S. Pink, A. Irving, J. Sjöberg. London: Bloomsbury, 2017. P. 225–242.
- Pink S., Salazar J. F.* Anthropology and futures: Setting the agenda // *Anthropologies and Futures: Researching Emerging and Uncertain Worlds* / eds J. F. Salazar, S. Pink, A. Irving, J. Sjöberg. London: Bloomsbury, 2017. P. 3–22.
- Rabinow P., Marcus G. E., Faubion J. D., Rees T.* *Designs for an Anthropology of the Contemporary*. Durham: Duke University Press, 2008.
- Rees T.* *After Ethnos*. Durham; London: Duke University Press, 2018.
- Rees T.* From the anthropocene to the microbiocene. The novel coronavirus compels us to rethink the modern concept of the political // *Noema Magazine*. 2020. June 10. URL: <https://www.noemamag.com/from-the-anthropocene-to-the-microbiocene/> (дата обращения: 21.07.2021).
- Riegel K. F., Meacham J. A.* *The Developing Individual in a Changing World. Vol. I: Historical and Cultural Issues*. London: Routledge, 2007.
- van Lange P. A. M.* (ed.). *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches*. Mahwah: Erlbaum, 2006.
- Vertovec S.* Super-Diversity and its implications // *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30 (6). P. 1024–1053.
- Vertovec S.* (ed.). *Routledge International Handbook of Diversity Studies*. New York: Routledge, 2014.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2022 г.;
рекомендована к печати 17 марта 2022 г.

Контактная информация:

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; mguseltseva@mail.ru

Personality psychology and anthropological discourse: In search of new approaches*

M. S. Guseltseva

Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
9, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. Personality psychology and anthropological discourse: In search of new approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2022, vol. 12, issue 2, pp. 132–149. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.203> (In Russian)

Modern anthropology is a cycle of disciplines that study a person in culture and are devoted to various aspects of human existence. At the same time, in international discourse, anthropology is most often understood today as sociocultural anthropologies. However, due to historical and political reasons, neither social, nor cultural, nor psychological anthropology appeared in Russia in the 20th century as institutionalized research directions, and the study of variations in personality development in a variety of cultures took place not so much in psychology as it was scattered in the interdisciplinary space of socio-humanitarian sciences. Today, this situation has not only repeatedly reflected disadvantages, but also less obvious advantages.

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-013-00075, “Man in everyday life: psychological phenomenology and patterns”.

Spontaneous transdisciplinarity is becoming an important resource in the social sciences, including psychology. Interacting research fields produce mixed methods and methodologies; cognitive focuses are shifting from traditional subjects of study to mobile research projects; from subject-oriented to problem-oriented research. Personality psychology, sociology of changes, anthropology of our time are included in the intellectual movement, comprehending the issues of how to study a person in a transitive society; how to investigate a personality in change; how to comprehend individuality in the transformations of everyday life, identity in the transformations of the global world. At the same time, responding to current challenges by searching for new approaches and methodologies, psychology, sociology and anthropology are collectively participating in the transformation of the model of cognition. It is suggested that in the current cognitive situation, anthropological discourse can serve as a source of renewal and critical rethinking of psychological concepts, a space of possibilities in the development of personality psychology. Materials are presented that confirms this assumption.

Keywords: methodology, personality psychology, anthropological approach, man and the world, modernity, transdisciplinarity.

References

- Artemova, O. Yu. (2020). A bit of academic reflection. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 93–101. (In Russian)
- Asmolov, A. G. (2007). *Psychology of Personality. Cultural-historical understanding of human development*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Asmolov, A. (ed.) (2018). *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. Moscow, YaSK Publ. (In Russian)
- Asmolov, A. G., Galiev, A. (2020). Let's consider meanings. Anthropological research helps to develop the Russian school. *Kommersant* — *Nauka*, 6, 42. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4292023> (accessed: 23.12.2021). (In Russian)
- Asmolov, A. G., Soldatova, G. U. (2009). *The art of living with different people*. Moscow, Moskovia Publ. (In Russian)
- Baiburin, A. (ed.) (2005). Special issue for the VI Congress of Ethnographers and Anthropologists. *Antropologicheskii forum*. St Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN Press, 6–220. (In Russian)
- Bardier, G. L. (2007). *Scientific bases of social psychology of tolerance*. St Petersburg: Nevskii institut iazyka i kul'tury Press; MIRS Press. (In Russian)
- Barnes, J. A. (1954). Class and committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, 7, 39–58. Available at: <https://pierremerckle.fr/wp-content/uploads/2012/03/Barnes.pdf> (accessed: 25.12.2021).
- Barnes, J. A. (1990). *Models and Interpretations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Barth, F. (1989). The Analysis of Culture in Complex Societies. *Ethnos*, 54, 120–142.
- Bazhanov, V., Shol'ts, R. V. (eds) (2015). *Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects*. Moscow, Navigator Publ. (In Russian)
- Bratus', B. S. (1997). On the problem of man in psychology. *Voprosy psikhologii*, 5, 3–19. (In Russian)
- Bringa, T., Bendixsen, S. (eds) (2016). *Engaged Anthropology: Views from Scandinavia*. London: Palgrave Macmillan.
- Bryant, R., Knight, D. M. (2019). *The Anthropology of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eriksen, T. H. (2003). Creolization and creativity. *Global Networks*, 3 (3), 223–237.
- Eriksen, T. H. (2007). Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius. In: Stewart Ch. (ed.). *Creolization: History, Ethnography, Theory*. (pp. 154–177). Walnut Creek: Left Coast Press.
- Eriksen, T. H. (2006). *Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence*. Oxford: Berg Publishers.
- Eriksen, T. H. (2015). *Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology*. London: Pluto Press.
- Eriksen, T. H., Garsten, C., Randeria, S. (eds) (2015). *Anthropology Now and Next. Essays in Honor of Ulf Hannerz*. Brooklyn: Berghahn Books.
- Eriksen, T. H., Nielsen, F. S. (2013). *A History of Anthropology*. London: Pluto Press.
- Hannerz, U. (1992). *Cultural Complexity*. New York: Columbia University Press.
- Hannerz, U. (1997). Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology. *Mana (Rio de Janeiro)*, 3 (1), 7–39.
- Hannerz, U. (2010). *Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline*. London: Pluto Press.

- Hannerz, U. (2016). *Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios*. New York: Palgrave Macmillan.
- Grishina, N. V. (2013). Changes of life situation: situational approach. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 6 (30), 3. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.684> (In Russian)
- Grishina, N. V. (2015). Existential psychology in search of development vector. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 8 (42), 2. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.529> (In Russian)
- Grishina, N. V. (ed.). (2019). *Psychology of personality: Staying in change*. St Petersburg: St Peterburg University Press. (In Russian)
- Grishina, N. V., Kostromina, S. N. (2017). Personality psychology: rethinking traditional approaches in context challenges of modern reality. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 10 (52), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i52.385> (In Russian)
- Gusel'tseva, M. S. (2016). The principle of development in modern psychology: challenges of polyparadigmality and transdisciplinarity. In: Zhuravlev, A. L., Sergienko E. A. (eds). *Development and implementation of the principle of development in modern psychology* (pp. 31–51). Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Gusel'tseva, M. S. (2017). Everyday life psychology: methodology, history and perspectives. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 10 (51), 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.397> (In Russian)
- Gusel'tseva, M. S. (2021a). *Anthropology of modernity: man and the world in the stream of transformations. Monograph: in 3 parts. Part 1*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Gusel'tseva, M. S. (2021b). The problem of man in Russian psychology and beyond. *Vestnik RGGU. Ser. Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, 2, 72–95. (In Russian)
- Kapferer, B. (2005). Situations, Crisis, and the Anthropology of the Concrete: The Contribution of Max Gluckman. *Social Analysis*, 49 (3), 85–122. <https://doi.org/10.3167/015597705780275110>
- Khoroshilov, D. A. (2022). *Psychology of social cognition in a changing society*. Moscow, Akropol' Publ. (In Russian)
- Kostromina, S. N., Grishina, N. V. (2021). Emerging as a subject of research in personality psychology. *Voprosy psikhologii*, 4, 21–37. (In Russian)
- Kozhanovskii, A. N. (2018). Spanish Anthropology: “Rebirth” and the Difficulties of Growth, In: Martynova M. Yu. (ed.). *Modern European socio-cultural anthropology and ethnology. Historiographical essays* (pp. 63–102). Moscow, Institute of Anthropology and Ethnography RAS Press. (In Russian)
- Lévi-Strauss, C. (2016). *Knowing others. Anthropology and contemporary problems*. Moscow, Tekst Publ. (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (2004). Towards differential anthropology. In: *Nauka i budushchee: idei, kotorye izmeniat mir: tez. dokl. mezhdunar. konf. Moskva, 14–16 aprelia 2004* (pp. 107–109). Moscow. (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (2007). Anthropology of entertainment. In: Dukov E. V. (ed.). *City of Entertainment: Observations. Analyses. Stories* (pp. 62–68). St Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ. (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (2010). Personality in an unpredictable world. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 5 (3), 120–140. (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (2011). Anthropology of happiness: The state of well-being and the way of joy. *Chelovek*, 5, 34–46. (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (2019). On existential anthropology. In: Leont'ev D. A., Fam A. Kh. (eds). *Sed'maia Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noi psikhologii: Materialy soobshchenii* (pp. 5–10). Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Loginova, N. A. (2017). Problem of man in modern Russian. *Chelovek i mir*, 1 (1), 81–110. (In Russian)
- Markham, A. N. (2013) Remix culture, remix methods: Reframing qualitative inquiry for social media contexts. In: Denzin N., Giardina M. (eds). *Global Dimensions of Qualitative Inquiry* (pp. 63–81). Walnut Creek: Left Coast Press.
- Markham, A. N. (2017). Remix as a literacy for future anthropology practice. In: Salazar J. F., Pink S., Irving A., Sjöberg J. (eds). *Anthropologies and Futures: Researching Emerging and Uncertain Worlds* (pp. 225–242). London: Bloomsbury.
- Martsinkovskaya, T. D. (2015). Modern psychology — challenges of transitivity. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 8 (42), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533> (In Russian)
- Martsinkovskaya, T. D. (2017). Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 10 (56), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i56.340> (In Russian)
- Orlova, E. A. (2010). *History of anthropological doctrines*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Pink, S., Salazar, J. F. (2017). Anthropology and futures: Setting the agenda. In: Salazar J. F., Pink S., Irving A., Sjöberg J. (eds). *Anthropologies and Futures: Researching Emerging and Uncertain Worlds* (pp. 3–22). London: Bloomsbury.

- Puzyrei, A. A. (2005). *Psychology. Psychotechnics. Psychology*. Moscow, Smysl Publ. (In Russian)
- Rabinow, P., Marcus, G. E., Faubion, J. D., Rees T. (2008). *Designs for an Anthropology of the Contemporary*. Durham: Duke University Press.
- Rees, T. (2018). *After Ethnos*. Durham; London: Duke University Press.
- Rees, T. (2020). From the anthropocene to the microbiocene. The novel coronavirus compels us to rethink the modern concept of the political. *Noema Magazine*. June 10. Available at: <https://www.noemamag.com/from-the-anthropocene-to-the-microbiocene/> (accessed: 21.07.2021).
- Riegel, K. F., Meacham, J. A. (2007). *The Developing Individual in a Changing World. Vol. I: Historical and Cultural Issues*. London: Routledge.
- Sergienko, E. A. (2021). *Mental development from the standpoint of the system-subject approach*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian).
- Skripkina, T. P. (2013). *Psychology of tolerance*. Moscow, FIRO Publ. (In Russian)
- Sokolovskii, S. V. (2008). Russian anthropology and problems of its historiography. *Antropologicheskii forum*, 9, 123–153. (In Russian)
- van Lange, P. A. M. (ed.) (2006). *Bridging Social Psychology: Benefits of Transdisciplinary Approaches*. Mahwah: Erlbaum.
- Vertovec, S. (2007). Super-Diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1053.
- Vertovec, S. (ed.) (2014). *Routledge International Handbook of Diversity Studies*. New York: Routledge.
- Zinchenko, V. P. (1996). From classical to organic psychology. *Voprosy psikhologii*, 5, 7–20. (In Russian)
- Znakov, V. V. (2020). *Psychology of Possible: A New Direction for Research in Understanding*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)
- Znakov, V. V. (2016). *Psychology of understanding the human world*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)

Received: February 1, 2022

Accepted: March 17, 2022

Author's information:

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; mguseltseva@mail.ru